

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ¹

М.В. Масловский

(m.maslovskiy@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М.В. Новые направления исследований цивилизационной политики российской правящей элиты // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 5–20.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.1>

Аннотация. *Рассматривается концепция цивилизационной политики и обсуждаются возможности ее применения в исследованиях российской правящей элиты. Отмечается, что данная концепция плодотворно использовалась для анализа международных отношений, тогда как в изучении внутривнутриполитических процессов она представлена не столь широко. Исследования цивилизационной политики российской элиты, как правило, опираются на конструктивистский подход и в значительной мере сосредоточиваются на анализе идеологических дискурсов. При этом сложились две точки зрения, согласно которым определенная форма идеологии «цивилизационизма» либо оказывает непосредственное влияние на российскую политику, либо используется представителями правящей элиты сугубо инструментально. Подчеркиваются преимущества среднего пути между этими противоположными подходами, а также выделяются сильные стороны исследовательской программы цивилизационной политики.*

Ключевые слова: *правящая элита, идеология, цивилизация, международные отношения, внутренняя политика.*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00950).

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е годы в мировой социальной науке получают распространение новые подходы к анализу цивилизационных аспектов, прежде всего международной политики. При этом наблюдается отказ от преобладавших ранее упрощенных и односторонних концепций вроде модели «столкновения цивилизаций». На смену теоретизированию в духе С. Хантингтона приходят эмпирически обоснованные исследования «цивилизационной политики» [Bettiza 2014]. В такого рода исследованиях использовались в том числе теоретические разработки цивилизационного анализа как направления исторической социологии [Katzenstein 2010; Bettiza, Petito 2018]. В последние несколько лет повышенное внимание уделялось международной политике так называемых цивилизационных государств, в число которых, как правило, включают и Россию [Coker 2019; Acharya 2020; Пабст 2021].

В то же время возрос интерес к роли цивилизационной идентичности во внутренней политике ряда стран. Влияние идеологии «цивилизационизма» на политические процессы рассматривалась, в частности, на примере европейских право-популистских партий [Brubaker 2017]. Такой подход стал также более широко использоваться применительно к идеологическим дискурсам, представленным в российской общественной жизни [Laruelle, Hale 2020; Turoma, Mjør 2020; Blackburn 2021]. Вместе с тем в подобных исследованиях обычно не учитывались в полной мере достижения исследовательской программы цивилизационной политики в сфере международных отношений и в основном игнорировался социологический цивилизационный анализ. В рамках статьи будут рассмотрены новые тенденции в изучении цивилизационных аспектов деятельности российской правящей элиты. Будет показано, что концепция цивилизационной политики обладает значительными возможностями для анализа российской версии идеологии «цивилизационизма» и ее использования акторами политического поля.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Концепция цивилизационной политики первоначально получила распространение в исследованиях международных отношений. В начале 2010-х годов американский политолог П. Катценштейн обосновал

оригинальный подход к изучению «множественных и плюралистичных» цивилизаций, взаимодействующих на международной арене. Следует отметить, что он стремился показать значение для анализа современной системы международных отношений идей представителей исторической социологии: Ш. Эйзенштадта, Р. Коллинза и Н. Элиаса [Katzenstein 2010: 14–22]. Как подчеркивает Катценштейн, цивилизации отличаются высокой степенью внутренней дифференциации. Они представляют собой «слабо интегрированные социальные порядки, формируемые многообразными акторами, традициями и практиками» [Katzenstein 2010: 6]. В конечном итоге цивилизационные констелляции «не обладают четкими границами, плотной интеграцией, централизацией и устойчивостью, которые обычно ассоциируются с ними в общественном дискурсе и формулировках Хантингтона» [Katzenstein 2010: 29]. Отмечалось, что пример России подтверждает тезис Катценштейна о плюрализме и плюралистичности цивилизаций, коль скоро различные акторы по-разному видят место страны на мировой «карте цивилизаций» [Laruelle, Hale 2020: 591].

Исследовательскую программу изучения «цивилизационной политики» расширил итальянский политолог Г. Беттица [Bettiza 2014]. С его точки зрения, в настоящее время многие социальные и политические акторы ведут себя таким образом, как если бы цивилизации во множественном числе действительно существовали и взаимоотношения между ними были значимы на международной арене. Характерно, что Беттица в данном случае ссылается на понятие «воображаемого сообщества», которое использовалось применительно к нациям [Андерсон 2001]. С позиций предложенного им подхода цивилизации также выступают как разновидность подобного рода сообществ. Концепция цивилизационной политики фокусируется на способах институционализации цивилизационного воображаемого, в результате чего происходит реструктуризация системы международных отношений.

Обращаясь к характеристике различных цивилизационных подходов, Г. Беттица и Ф. Петито выделяют два основных направления, которые они обозначают как «примордиалистское» и «критическое» [Bettiza, Petito 2018: 38]. Первое из указанных направлений представлено прежде всего концепцией столкновения цивилизаций С. Хантингтона, рассматривавшего цивилизации в качестве долговременных и практически неизменных структур с четко определенными границами, вдоль которых могут разворачиваться конфликты. Критическое

направление, которое нередко ориентируется на идеи «постколониального» подхода Э. Саида, характеризует цивилизации как преимущественно дискурсивные конструкторы. При этом цивилизационные дискурсы расцениваются как отражающие наследие колониализма и стремящиеся легитимировать превосходство Запад над незападными обществами.

Отмечалось также, что можно назвать три причины, по которым цивилизационные нарративы получают все более широкое распространение. Во-первых, они служат выражением новых форм политики идентичности, основанной на культуре и традициях. Во-вторых, позволяют сохранять определенные ориентиры в условиях глобализации, когда происходит размывание национальных идентичностей. В-третьих, способствуют критике универсалистских проектов либеральной модерности и поддерживают идею множественных модерностей [Bettiza, Petito 2018: 43–44]. Беттица и Петито противопоставляют «примордиалистскому» и «критическому» направлениям социологический цивилизационный анализ, ссылаясь на концепцию Катценштейна и работы таких представителей исторической социологии, как Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон.

Однако необходимо учитывать, что цивилизационный анализ выступает как макросоциологический подход, который требуется адаптировать для исследований мезо- и микроуровней исторических изменений. Очевидно, такой подход совместим с различными направлениями исторических исследований: от локальной до глобальной истории [Браславский 2020]. Но, хотя цивилизационный анализ продемонстрировал «определенную релевантность для изучения периода после окончания холодной войны, исследования международных отношений обращаются к современности в большей степени, чем сравнительная социология» [Smith 2017: 190]. Характерно, что именно в сфере изучения международных отношений была сформулирована эмпирически ориентированная исследовательская программа цивилизационной политики.

С точки зрения концепции цивилизационной политики основное внимание должно уделяться представлениям о цивилизациях, которые складываются у действующих акторов. Акцент делается на том, как и почему социальные акторы воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. В соответствии с данным подходом выделяются три пути влияния цивилизационных нарративов на политику.

ческие процессы. Во-первых, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия. Во-вторых, они воплощаются в материальных структурах (как международные организации) и устойчивых практиках. В-третьих, акторы, выступающие от имени определенной цивилизации, могут получить признание в качестве таковых, тем самым приобретая легитимность [Bettiza 2014: 18–19]. В конечном итоге все эти явления могут стать предметом эмпирически ориентированного анализа.

Проводниками цивилизационной политики выступают как государственные, так и негосударственные структуры. Прежде всего, в их число входят политические элиты и институты, представляющие страну, в том числе глава государства и дипломатические ведомства. На наднациональном уровне акторами цивилизационной политики могут являться международные организации, объединяющие государства, которые претендуют на общую культурную идентичность. Наконец, на социетальном уровне цивилизационную политику могут продвигать экономические и культурные элиты, представители которых действуют «в университетах, агентствах новостей, аналитических центрах и фондах, зачастую официально или неофициально связанных с государственными структурами» [Bettiza, Lewis 2020: 566].

В некоторых новейших работах, посвященных цивилизационной идентичности, рассматривается ее влияние не только на международные отношения, но и на внутреннюю политику ряда стран. При этом, как утверждают М. Ларюэль и Г. Хейл, цивилизационную идентичность следует изучать, используя те же концептуальные и методологические инструменты, которые применяются для исследований других форм идентичности. По мнению этих исследователей, необходимо обратиться к анализу не только цивилизационных дискурсов, выдвигаемых политическими элитами, но и того, как реагируют на эти дискурсы широкие слои населения. «Подобно тому как выявление источников идентификации с нацией на микроуровне имеет ключевое значение для понимания политики национализма, важно определить источники цивилизационной идентификации на микроуровне (“цивилизационизма” в терминологии Брубейкера), если мы хотим в конечном счете понять ее последствия. Действительно, как показывают исследования “народной геополитики”, дискурсы, способные влиять на поведение государства, могут возникать и конкурировать на низовом уровне» [Laruelle, Hale 2020: 588].

Подход Ларюэль и Хейл смыкается с точкой зрения, согласно которой следует уделять больше внимания различным «идеологическим сообществам», которые представляются носителями консервативных идей. Если первоначально такие сообщества являются маргинальными, то с течением времени их идеи могут быть подхвачены политическими элитами либо лоббистскими группами, близкими к правящей элите. Например, в России в 2000-е годы существовали разнообразные идеологические течения «цивилизационного национализма» [Верховский, Паин 2010]. В конечном итоге все они в той или иной мере «разделяли идеи антилиберализма, “антизападничества”, патриотизма, веру в мощное государство, сильного лидера, авторитарное и иерархическое общество, моральное возрождение, центральную роль религии и Sonderweg, основанный на национальной исключительности» [Jonson 2019: 28–29]. Как утверждает ряд западных исследователей, в дальнейшем дискурсы таких идеологических сообществ были присвоены правящей элитой [Jonson 2019: 30].

С точки зрения Ларюэль и Хейла, поскольку понятие цивилизации относится к макроуровню общественной жизни, следует выделить две формы цивилизационной идентичности. С одной стороны, индивиды могут непосредственно считать себя принадлежащими к определенной цивилизации. С другой стороны, они могут рассматривать какую-то промежуточную общность (нацию, этнос, страну) как относящуюся к данной цивилизации. В разного рода идеологических построениях, оперирующих понятием цивилизации, как правило, речь идет именно о втором из указанных типов идентификации, когда постулируется цивилизационная принадлежность не отдельных индивидов, а нации или страны в целом [Hale, Laruelle 2021: 4].

Следуя конструктивистскому подходу к изучению коллективной идентичности, Ларюэль и Хейл подчеркивают, что цивилизационная самоидентификация индивидов во многом определяется влиянием соответствующего дискурса правящей элиты. Как полагают эти авторы, усилия элит по конструированию цивилизационной идентичности находят отклик как у представителей самих элит, так и у более широких слоев населения, поскольку обращение к такой идентичности представляется позволяющим объяснить происходящие процессы и выбрать наиболее приемлемые способы действия [Hale, Laruelle 2021: 4]. Однако следует учитывать, что программа цивилизационной политики, ориентированная на конструктивистскую методологию, в меньшей степени

применима для анализа различных форм исторического наследия, которые могут быть использованы политической элитой в собственных интересах.

В последние несколько лет эмпирические исследования российской элиты [Rivera, Zimmerman 2019] сопровождались попытками выделить цивилизационную составляющую ее самоидентификации и определить степень влияния идеологии «цивилизационизма» на поведение представителей этой элиты [Hale 2019]. Но в данном случае рассматривалась лишь корреляция между цивилизационной идентичностью и довольно узким спектром поведенческих установок, а также явно недостаточно использовались возможности концепции цивилизационной политики для анализа деятельности правящей элиты. Между тем исследовательская программа цивилизационной политики, по-видимому, обладает необходимыми ресурсами, позволяющими осуществить такого рода анализ. В конечном итоге концепция цивилизационной политики может характеризоваться как теория среднего уровня, которая применима для изучения как международных отношений, так и внутренней политики стран, претендующих на явно выраженную цивилизационную идентичность.

РОССИЙСКАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА КАК АКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В работах отечественных исследователей отмечалось значение социологической концепции межцивилизационного взаимодействия для понимания взаимоотношений постсоветской России и стран Запада [Прозорова 2014]. Однако следует учитывать, что эта концепция ориентирована на анализ исторических изменений на макроуровне и недостаточно акцентирует внимание на акторах такого рода взаимодействия. Исследовательская программа «цивилизационной политики» позволяет дополнить подходы представителей исторической социологии. Характерно, что ссылки на нее встречаются в новейших публикациях российских авторов, посвященных проблеме российской идентичности [Malinova 2020: 27]. При этом О. Малинова выделяет два аспекта исторической традиции, обусловивших привлекательность понятия «цивилизации» для современной российской элиты [Malinova 2020: 29]. Во-первых, российское имперское наследие предоставляет символические ресурсы для выхода за рамки нации-государства. Во-вторых,

традиция формирования российской идентичности в противостоянии с Европой содержит обширный репертуар идей и символов, позволяющих конструировать идентичность в цивилизационных терминах.

В 2010-е годы тезис о России как особой цивилизации занимает одно из центральных мест в дискурсе российской политической элиты. Вместе с тем возникает вопрос о том, какого рода цивилизационная идентичность была востребована правящей элитой. Ряд исследователей делают акцент на «евразийском» характере такой идентичности. В частности, П. Катценштейн и Н. Вейгандт характеризуют «геополитическую» и «цивилизационную» версии неоевразийства, ведущими представителями которых выступают, по их мнению, А. Дугин и Л. Гумилев [Katzenstein, Weygandt 2017: 429–432]. Отличающий этих авторов взгляд на цивилизации как «единые культурные комплексы, выстроенные иерархически вокруг неоспариваемых ключевых ценностей» [Katzenstein, Weygandt 2017: 431], позволяет американским исследователям провести параллель с концепцией С. Хантингтона. Как считают Катценштейн и Вейгандт, указанные две версии неоевразийства оказывали воздействие на внешнюю политику России по крайней мере с 2014 г.

Тем не менее утверждения о непосредственном влиянии идей представителей евразийского идеологического течения на международную политику российского государства не подтверждаются анализом дискурса правящей элиты. В риторике властей тезис о России как евразийской цивилизации встречался сравнительно редко. Отмечалось, что это происходило в двух случаях. Во-первых, данное понятие привлекалось для того, чтобы подчеркнуть роль страны как моста между Западом и Востоком. Во-вторых, этот термин использовался, чтобы выделить роль определенных регионов, которые «располагаются между Европой и Азией в пространственном или культурном отношении» [Laruelle, Hale 2020: 590]. В конечном итоге довольно проблематично оценить реальное воздействие идеологии евразийства в ее различных формулировках на цивилизационную идентичность правящей элиты.

В то же время ссылки на российскую цивилизационную идентичность в официальных документах были далеки от идеологических конструкций неоевразийства. Хотя представление о плюрализме мировых цивилизаций получило отражение в российских официальных документах, в том числе в принятой в 2008 г. Концепции внешней политики, но речь в них не шла о самодостаточности России и ее противостоянии Западу. В целом в указанный период цивилизационный дискурс

был ориентирован на партнерство и достижение равного статуса с ведущими западными державами [Linde 2016: 615]. Кроме того, российская цивилизационная идентичность нередко соотносилась с обще-европейской христианской идентичностью [Laruelle, Hale 2020: 590], а в риторике правящей элиты подчеркивался «общий цивилизационный код» России и отдельных европейских стран [Shnirelman 2020: 68].

Но в контексте так называемого консервативного поворота в российской политике, начало которого обычно относят к 2012 г., акцент все в большей степени делался на «особом» цивилизационном пути России. В частности, в официальном дискурсе получили распространение ссылки на православную религиозную традицию и проводились параллели с Византийской империей как оплотом данной традиции, противостоявшим Западу [Laruelle 2016: 293]. В связи с этим в работах зарубежных исследователей делался акцент на стремлении правящей элиты представить Россию в качестве «европейской страны, следующей незападным путем развития» [Laruelle 2016: 278].

Г. Беттица и Д. Льюис показывают на примере китайской и российской элит, что использование цивилизационного дискурса позволяет им артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» [Bettiza, Lewis 2020: 569]. Это дает возможность элитам оправдывать и легитимизировать широкий круг внутри- и внешнеполитических действий. В таком случае внутривнутриполитические силы, выступающие за либерализацию государства и общества, «могут быть делегитимизированы как марионетки Запада, которые пытаются подорвать не просто политический режим или государственные интересы, но и особые цивилизационные ценности» [Bettiza, Lewis 2020: 569]. В последние годы Россия и Китай неоднократно характеризовались как «государства-цивилизации». Однако в случае Китая можно говорить о значительно более мощном слое цивилизационного наследия. Несмотря на это, представители социологического цивилизационного анализа указывали на явно выраженный «идеологический эклектизм» обоих режимов [Арнасон 2021: 16].

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что понятие цивилизации в российском официальном дискурсе нечеткое и многозначное. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универсалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский

нарратив в духе Хантингтона, который классифицирует страны по их принадлежности к “цивилизациям”. Хотя обычно это имеет отношение к месту России в мире и ее взаимодействию с соседями, даже такое использование термина отражает его исключительную пластичность и непоследовательность, поскольку понятие цивилизационной идентичности применялось стратегически в зависимости от ситуации» [Laruelle, Hale 2020: 591]. В целом российская правящая элита стремится избежать «привязки к какой-то жестко определенной концепции, которая ограничивала бы свободу действия» [Laruelle 2017: 3]. Это в полной мере относится и к цивилизационному дискурсу.

По мнению ряда исследователей, едва ли можно говорить о единстве взглядов представителей политической элиты по вопросу о российской цивилизационной идентичности. Кроме того, цивилизационный дискурс мог «адаптироваться к различным обстоятельствам и аудиториям» [Linde 2016: 624]. Неоднократно отмечалось также, что обращение представителей политической элиты к цивилизационному дискурсу выступает результатом прагматического выбора. Как указывает А. Цыганков, цивилизационный дискурс используется государственной властью «в качестве риторического инструмента для формирования российских ценностей в желательном для Кремля направлении» [Tsygankov 2016: 154]. Однако, с точки зрения Цыганкова, цивилизационная риторика российской правящей элиты хотя бы отчасти отражает подлинные взгляды ее представителей.

Как полагает В. Шнирельман, использование понятия цивилизации в дискурсе российской власти является исключительно инструментальным. «Они используют его, когда встает вопрос об общественной консолидации и когда существует потребность противопоставить Россию Западу. Поэтому едва ли можно говорить о каком-то долгосрочном “цивилизационном” повороте в российской политике и идеологии, произошедшем после 2012 года» [Shnirelman 2020: 67]. С такой точки зрения стремление российского руководства преодолеть негативные последствия западных санкций не только вело к менее конфронтационной риторике, но и делало излишним само понятие «цивилизации». В целом в последние несколько лет данный термин почти исчез из речей российского руководства. Тем не менее не произошло полного отказа от употребления понятий «цивилизационного пути», «цивилизационного кода» и им подобных в некоторых официальных документах [Shnirelman 2020: 68–69].

Таким образом, сложились два подхода к оценке влияния идеологии «цивилизационизма» на политику российской элиты. С одной стороны, утверждалось, что определенный идеологический дискурс оказал непосредственное воздействие на взгляды российского руководства. С другой стороны, использование цивилизационного дискурса расценивалось как исключительно инструментальное. По-видимому, в данном случае более адекватным является средний путь между этими двумя противоположными точками зрения [Hale, Laruelle 2021: 7]. Следует учитывать, что обращение российских властей к цивилизационной риторике, а не к иным идеологемам неслучайно. В то же время едва ли можно говорить о последовательной приверженности правящей элиты определенной версии идеологии «цивилизационизма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция цивилизационной политики, первоначально представленная в исследованиях международных отношений, может быть использована для анализа внутривнутриполитических процессов в странах, которые претендуют на явно выраженную цивилизационную идентичность. С позиций этой концепции выделялись различные акторы цивилизационной политики и раскрывались причины, по которым эти акторы воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. Как показывают исследования идеологических течений российского общества, цивилизационный дискурс не оказывает определяющего воздействия на государственную политику, но нередко инструментально используется политической элитой. При этом интенсивность цивилизационной риторики представителей российской правящей элиты существенно изменяется в зависимости от текущей политической ситуации и акцент делается на тех элементах идеологического дискурса, которые в наибольшей степени соответствуют такой ситуации.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

Браславский Р.Г. Социологические модели современного цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 5. С. 7–40.

Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Пабст А. Цивилизация и либеральная демократия // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30, № 4. С. 26–42.

Прозорова Ю.А. Концептуальные ресурсы цивилизационного анализа в изучении постсоветских трансформаций в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 2. С. 70–87.

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // Ethics and International Affairs. 2020. Vol. 34, № 2. P. 139–156.

Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a ‘Civilizational Politics’ Line of Research // International Studies Review. 2014. Vol. 16, № 1. P. 1–28.

Bettiza G., Lewis D. Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity // Journal of Global Security Studies. 2020. Vol. 5, № 4. P. 559–577.

Bettiza G., Petito F. Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won’t Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times // The “Clash of Civilizations” 25 Years on: A Multidisciplinary Appraisal / ed. by D. Orsi. Bristol: E-International Relations, 2018. P. 37–51.

Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below // Nationalities Papers. 2021. Vol. 49, № 1. P. 89–107.

Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective // Ethnic and Racial Studies. 2017. Vol. 40, № 8. P. 1191–1226.

Coker C. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.

Hale H. A Surprising Connection Between Civilizational Identity and Succession Expectations among Russian Elites // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35, № 5–6. P. 406–442.

Hale H., Laruelle M. A New Wave of Research on Civilizational Politics // Nationalities Papers. 2021. First View. P. 1–12.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics // Cultural and Political Imaginaries in Putin’s Russia / ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019. P. 13–36.

Katzenstein P. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives / ed. by P. Katzenstein. New York: Routledge, 2010. P. 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia’s Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15, № 2. P. 428–442.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization // The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15 / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 275–297.

Laruelle M. Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game // Carnegie Papers. 2017. March. P. 1–8.

Laruelle M., Hale H. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, № 3. P. 585–602.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // Russian Review. 2016. Vol. 75, № 4. P. 604–625.

Malinova O. “Nation” and “Civilization” as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 27–46.

Rivera S., Zimmerman W. Introduction: New Directions in Survey Research on Russian Elites // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 35, № 5–6. P. 359–364.

Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse during Putin's Third Term // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 59–86.

Smith J. Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age. Manchester University Press, 2017. 205 p.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // Problems of Post-Communism. 2016. Vol. 63, № 3. P. 146–158.

Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective // Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020. P. 1–26.

NEW DIRECTIONS OF RESEARCH ON CIVILIZATIONAL POLITICS OF RUSSIA'S RULING ELITE

M. Maslovskiy

(m.maslovskiy@socinst.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M. Novye napravleniya issledovaniy tsivilizatsionnoy politiki rossiiskoi pravyyashchei elity [New directions of research on civilizational politics of Russia's ruling elite]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. 2021, 8(2): 5–20. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.1>

Abstract. *The article considers the concept of “civilizational politics” and the possibilities of using it for studies of the Russian ruling elite. This concept has been employed in the field of international relations while it is not so well represented in research on internal politics. Studies of civilizational politics of the Russian elite mostly draw on the constructionist approach and focus on ideological discourses. There are two opposite viewpoints emphasizing the impact of a certain version of ideological “civilizationism” upon Russian politics or seeing the use of civilizational rhetoric by the ruling elite as purely instrumental. The article supports a middle way between these viewpoints and highlights the advantages of the research program of civilizational politics.*

Keywords: *ruling elite, ideology, civilization, international relations, internal politics.*

References

Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 2020, 34 (2), pp. 139–156.

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Sources and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-Press-Ts, 2001. (In Russian)

Arnason J. *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2021. (In Russian)

Bettiza G. Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a ‘Civilizational Politics’ Line of Research. *International Studies Review*, 2014, 16 (1), pp. 1–28.

Bettiza G., Lewis D. Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 2020, 5 (4), pp. 559–577.

Bettiza G., Petito F. Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: *The “Clash of Civilizations” 25 Years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Ed. By D. Orsi. Bristol: E-International Relations, 2018, pp. 37–51.

Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 2021, 49 (1), pp. 89–107.

Braslavskiy R. *Sotsiologicheskie modeli sovremennogo tsivilizatsionnogo analiza* [Sociological Models of Contemporary Civilizational Analysis]. *Zhurnal sotsiologii*

i sotsialnoi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, 23 (5), 7–40. (In Russian)

Brubaker R. Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 2017, 40 (8), pp. 1191–1226.

Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press, 2019.

Hale H. A Surprising Connection between Civilizational Identity and Succession Expectations among Russian Elites. *Post-Soviet Affairs*, 2019, 35 (5–6), pp. 406–442.

Hale H., Laruelle M. A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 2021, First View, pp. 1–12.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics. In: *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019, pp. 13–36.

Katzenstein P. A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. Ed. by P. Katzenstein. New York: Routledge, 2010, pp. 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 2017, 15 (2), pp. 428–442.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization. In: *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*. Ed. By P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, pp. 275–297.

Laruelle M. Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game. *Carnegie Papers*, 2017, March, pp. 1–8.

Laruelle M., Hale H. Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 2020, 48 (3), pp. 585–602.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 2016, 75 (4), pp. 604–625.

Malinova O. "Nation" and "Civilization" as Templates for Russian Identity Construction: A Historical Overview. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 27–46.

Pabst A. Tsvivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and Liberal Democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2021, 30. (4), pp. 26–42. (In Russian)

Prozorova Yu. Kontseptualnye resursy tsvivilizatsionnogo analiza v izuchenii postsovetskikh transformatsii v Rossii [Conceptual Resources of Civilizational Analysis in the Study of Post-Soviet Transformations in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2014, 17 (2), pp. 70–87. (In Russian)

Rivera S., Zimmerman W. Introduction: New Directions in Survey Research on Russian Elites. *Post-Soviet Affairs*, 2019, 35 (5–6), pp. 359–364.

Shnirelman V. Russia between a Civilization and a Civic Nation: Secular and Religious Uses of Civilizational Discourse during Putin’s Third Term. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 59–86.

Smith J. *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester University Press, 2017.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin’s Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 2016, 63 (3), pp. 146–158.

Turoma S., Mjør K. Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Ed. by K. Mjør, S. Turoma. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 1–26.

Verkhovskii A., Pain E. Tsivilizatsionnyi natsionalizm: rossiiskaya versiya “osobogo puti” [Civilizational Nationalism: the Russian Version of “Special Path”]. In: *Ideologiya osobogo puti v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [Ideology of the Special Path in Russia and Germany: Sources, Contents, Consequences]. Ed. by E. Pain. Moscow: Tri kvadrata, 2010, pp. 171–210. (In Russian)